

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 27, Is. 5, pp. 58–70, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-27-5-58-70
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 94(47)084

National Units of the Red Army in the 1930s

Aleksey Yu. Bezugolnyi ¹

¹ Ph. D. in History (Cand. of Historical Sc.), Senior Research Associate, Research Institute of Military History, Military Academy of the General Staff (Moscow, Russian Federation). E-mail: besu111@yandex.ru

Abstract

The emergence and development of national formations in the interwar period was due to a number of objective factors and should be considered in the overall context of the development of the country's armed forces and state national policy. The influence of these factors varied in different periods. National formations were established in the mid-1920s on the wave of political emancipation of the USSR's national regions and the mass introduction of the *korenization* practice (Soviet 'localization policy') — a special state policy in the national regions aimed at major promotion of national cadres, development of national cultures and languages. In addition, it was planned to use national formations for further revolutionary expansion into neighboring countries of the East.

The article analyzes the development of national military units as a special institution within the Red Army which survived during the 1930s and reached its zenith, as well as the period of its rapid decline. The paper notes that the fate of the national parts was determined not only by the peculiarities of development of the Soviet armed forces on the eve of the major war but also by the vicissitudes of big-league politics and ideology, namely, the change of the course — from world revolution to construction of a national socialist state to be accompanied by the Great Purge and discreditation of national movements.

Prospects of a big war and Red Army's accelerated reorganization revealed a discrepancy of national formations with dictates of the time. Since the late 1930s, mass conscription of citizens of all nationalities of the USSR and their extraterritorial distribution throughout military units (outside their homeland regions) was introduced. For these reasons, further existence of any national troops became irrelevant since those were in conflict with the goal of mass mobilization and reserve accumulation. We should also note the absence of a certain official responsible for the construction of a corresponding national structure within the Red Army. This resulted, on the one hand, in the chaotic development of national units in the first half of the 1930s, and, on the other hand, in the absence of lobbyists inside the Defense Ministry, subsequent to which those were abolished without any discussions.

Keywords: Red Army, national military units, Soviet localization policy, national policies, concentration.

В период Гражданской войны национальные формирования в составе Рабоче-Крестьянской Красной Армии (далее — РККА), а также партизанские отряды, укомплектованные лицами местных национальностей, сыграли важную роль, отстаивая советскую власть на окраинах бывшей Российской империи. Чаще всего они соз-

давались в инициативном порядке, без единого замысла. В послевоенный период был совершен принципиальный переход к планомерному, обоснованному государственными интересами и экономическими возможностями строительству национальных воинских формирований как неотъемлемой части боевого состава Красной Армии.

Историография темы национальных формирований РККА в межвоенный период невелика: большинство исследований посвящено либо периоду их зарождения в 1920-е гг., либо периоду Великой Отечественной войны. Современным событиям работы, как правило, касались текущих проблем военного строительства в национальных регионах и не содержали глубоких обобщений [Катуков 1930; Рымшан, Алексинский 1932; Плетнев 1937 и др.]. Вопросы истории национальных формирований в 1930-е гг. затрагивались в ряде региональных работ 1970–1980-х гг. [Курбанов 1972; Гуружапов 1974 и др.], а также в некоторых обобщающих работах [Маркарян 1975; Аманжолов 1987 и др.]. В современной России эти проблемы поднимаются в ряде диссертаций [Иванов 1995; Кадыров 2002; Назих 2011] и журнальных публикаций [Градосельский 2001; Подустов 2005; Жарков 2014 и др.], однако до сих пор обобщенного взгляда на развитие данного института Красной Армии в 1930-е гг. нет.

Поворотным в судьбе национальных формирований стал Пленум РВС СССР, проходивший в конце ноября — начале декабря 1924 г. 28 ноября на пленуме был заслушан большой доклад наркома по военным и морским делам М. В. Фрунзе «О национальных формированиях» [РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 54. Л. 269]. В основу предложенной М. В. Фрунзе концепции национального строительства в РККА легли тезисы о полном равноправии народов СССР, учете интересов всех этносов в деле военного строительства и постепенном переносе центра тяжести с использования в войсках славянских контингентов на национальные [РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 531. Л. 82об.–83]. По итогам работы Пленума РВС СССР была принята резолюция «О национальных формированиях», изложенная в тридцати семи тезисах. Они содержали требования к будущему плану национальных формирований, который намечалось осуществить в течение пяти лет. С 1925 г. реализовывалась пятилетняя программа национального строительства в РККА, скорректированная в 1927 г. (фактически это была новая программа).

Национальное строительство в РККА в 1920-е гг. вполне отвечало интересам общесоюзной власти, поскольку опыт последних войн России со всей очевидностью показывал, что ведение длительной круп-

номасштабной войны без использования мобилизационных ресурсов национальных окраин крайне затруднительно. В идеологическом плане национальные формирования виделись большевистскому руководству вооруженным авангардом советской власти в ожидаемой мировой революции, особенно на Востоке. Горячим сторонником этой идеи являлся М. В. Фрунзе [Захаров 1925: 5]. Национальные формирования вполне соответствовали и эмансипаторским устремлениям национальных большевистских элит, видевших в национальных формированиях один из главных символов революционной зрелости и политической состоятельности своих народов.

Национальное строительство в РККА велось в русле одновременно проводимого общегосударственного курса на коренизацию, которая заключалась в комплексных политических, социальных, культурных предпочтениях местному коренному населению (отсюда специфические неологизмы — «украинизация», «белорусизация», «тюркизация» и т. п.) перед этническими группами, считавшимися пришлыми, некоренными, как правило, русскими. Новая политика стала выражением своего рода покаяния «колониаторской» русской нации перед «угнетенными», «культурно отсталыми» малыми народами, которые теперь подлежали эмансипации [Баберовски 2010: 309–310].

Согласно пятилетней программе 1925 г. предстояло сформировать 15 национальных дивизий (кадровых и территориальных) общей численностью 56 971 чел. (без учета национальных военно-учебных заведений) [РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 501. Л. 64], что должно было составить около 10 % предельной численности всей Красной Армии. По обновленной программе 1927 г., штат национальных формирований составлял 45 210 чел., или 8 % общей штатной численности Красной Армии [Реформа, 2 2006: 474].

На 1 декабря 1929 г. перечень существовавших на тот момент национальных частей выглядел следующим образом:

- Ленинградский военный округ: отдельный Карельский егерский батальон;
- Белорусский военный округ: 2, 33-я Белорусские стрелковые дивизии;
- Украинский военный округ: 46, 96, 99, 100-я Украинские стрелковые дивизии;
- Северо-Кавказский военный округ: кавалерийский полк горских национальностей Северного Кавказа;

– Краснознаменная Кавказская армия: 1 и 2-я Грузинские, Армянская, Азербайджанская стрелковые дивизии;

– Среднеазиатский военный округ: отдельные Узбекская сводная и Туркменская кавалерийская бригады, отдельный Таджикский горно-стрелковый батальон, отдельные Киргизский и Казакский (Казахский) кавдивизионы;

– Приволжский военный округ (далее — ПриВО): 100-й Татаро-Башкирский стрелковый полк, эскадрон 34-й стрелковой дивизии, Татаро-Башкирский полк, Бурят-Монгольский кавдивизион;

– Казакская (Казахская) АССР: отдельный Казакский эскадрон [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 610. Л. 87].

В этот же период действовало девять военных школ по подготовке национальных военных кадров: Объединенная татаро-башкирская (штатная численность курсантов — 442); Объединенная белорусская (500 курсантов); Школа червонных старшин (350 курсантов); Объединенная среднеазиатская школа (795 курсантов); Украинская кавалерийская школа (320 курсантов); Киевская артиллерийская школа (200 курсантов); Закавказская подготовительная школа (450 курсантов); Северо-Кавказская горских национальностей школа (320 курсантов) и Закавказская пехотная школа (550 курсантов) [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 610. Л. 88об.–89]. Общая штатная емкость всех национальных школ составляла 3 927 мест.

Отметим, что в изданном в 1931 г. статистическом сборнике «Характеристика личного состава Рабоче-Крестьянской Красной Армии (социально-демографическая)» изменения в перечне национальных формирований были минимальными. Они коснулись в основном татарских и башкирских частей, которые всегда отличались неоднородностью национального состава [РГВА. Ф. 54. Оп. 4. Д. 73. Л. 77–78].

Наиболее единообразны в национальном плане были армянские и грузинские части: в Армянской дивизии 93,2 % рядового состава и 89,1 % — командного являлись армянами; в Грузинской дивизии грузин было 83,0 % среди рядового и 94,5 % — среди командного состава. Этнически менее монолитными были азербайджанские части (60,5 и 65,1 % азербайджанцев соответственно). Среднеазиатские части при достаточно высокой этнической однородности рядового и младшего начальствующего составов

имели значительный недостаток среднего и старшего командного состава местных национальностей, покрывавшийся славянами [РГВА. Ф. 37837. Оп. 1. Д. 2. Л. 14].

На рубеж 1920–1930-х гг. пришелся качественный рост национальных формирований РККА. Они характеризовались достаточно высокой выучкой командного состава, насыщенностью партийно-комсомольскими кадрами. По мнению специалиста Политуправления РККА Шапошникова, подготовившего в 1928 г. доклад на тему развития национальных формирований, последние уже «заняли видное место в РККА и заметно влияют на степень ее общей боеспособности» [РГВА. Ф. 37837. Оп. 1. Д. 2. Л. 161]. Это касалось не только славянских и закавказских национальных формирований, относившихся к передовым, но и среднеазиатских частей. Так, в декабре 1928 г. в резолюции Казахского ЦИКа отмечалось, что «темпы и линия в национальном военном строительстве, которые в последние 3–4 года проводились на основе большой подготовительной работы, по строго рассчитанным и последовательно продуманным планам, в точном соответствии с экономическим и культурным ростом КАССР <...> являются единственно правильными и создали реальную осуществимость национальных формирований» [Катуков 1930: 12–13]. В 1931 г. в статистическом сборнике ГУ РККА «Социально-демографический состав РККА», подготовленном Отделом статистики ГУ РККА, отмечалось, что «качественный состав и степень боевой подготовки частей можно считать значительно укрепившимися сравнительно с прежними годами» [РГВА. Ф. 37837. Оп. 11. Д. 2. Л. 91–91об.].

Кроме формирования национальных частей в рамках утвержденной программы, широко практиковались так называемые концентрации бойцов-«националов» в обычных, так называемых номерных частях и соединениях, когда пополнения одной национальности сводились в небольшие национальные подразделения — взводы, роты, реже — батальоны и даже полки. Это был самый простой способ снять языковой и культурно-ментальный барьер в связи с прибытием нерусских пополнений. Пятилетним планом такие подразделения, как и сама практика концентраций, не предусматривались, однако с середины 1920-х гг. явочным порядком концентрации охватили

все войска и признавались вторым важнейшим способом национального строительства в войсках.

В целом по состоянию на 1930 г. в составе «обычных» войсковых частей РККА только по неполным данным (без учета данных Ленинградского и Северо-Кавказского военных округов, Кавказской и Дальневосточной Краснознаменных армий) имелись: 1 полк (1-й стрелковый полк 1-й Казанской стрелковой дивизии ПриВО), 1 батальон, 1 эскадрон, 14 рот татар; 1 полк (96-й стрелковый полк 32-й стрелковой дивизии ПриВО), 1 эскадрон и 1 рота немцев; 7 эскадронов башкир; 3 роты и 1 батарея чувашей; 3 роты и 1 взвод удмуртов; 1 рота украинцев; 1 рота поляков; 1 эскадрон казахов; 1 эскадрон горцев Северного Кавказа; 1 взвод белорусов [РГВА. Ф. 37837. Оп. 11. Д. 2. Л. 90]. Обращает на себя внимание наличие целых полков, укомплектованных по национальному принципу, но не имевших официального национального статуса. Являясь изначально побочным, внеплановым, вынужденным мероприятием, концентрации не давали такого права. Однако в изданном в 1931 г. статистическом сборнике Главного управления (далее — ГУ) РККА «Характеристика личного состава РККА» это обстоятельство было названо упущением и предлагалось указанные формирования «перевести на права настоящих нацчастей» с переходом в них на национальный язык политработы [РГВА. Ф. 37837. Оп. 11. Д. 2. Л. 91].

Фактически таковой состоялся в течение последующих нескольких лет. Уже в 1934 г. в действующем мобилизационном расписании МП-6 оказалось немало национальных частей, не предусмотренных ранее программами 1925 и 1927 гг., а сформированных в порядке концентраций. На это указывает и то обстоятельство, что национальными частями теперь именовались не только по формальному статусу, но и по «фактической насыщенности» представителями того или иного этноса. По состоянию на июль 1934 г. национальные части и военно-учебные заведения представляли собой следующую картину:

– Украинский военный округ: украинские «по фактической насыщенности» 7, 23, 25, 75, 58-я стрелковые дивизии, школа Червонных старшин, Полтавские военно-политические курсы (украинское отделение на 300 чел.); татарский батальон в 9-м стрел-

ковом полку; две немецкие батареи 47-го артиллерийского полка; три еврейские роты в 45 и 141-м стрелковых полках; греческая рота в 238-м стрелковом полку;

– Северо-Кавказский военный округ: отдельный кавалерийский полк горских национальностей; батальон адыго-черкесов в 222-м стрелковом полку; рота чеченцев и ингушей в 82-м стрелковом полку; рота кумыков в 83-м стрелковом полку; рота осетин в 84-м стрелковом полку; рота аварцев в 85-м стрелковом полку; эскадрон кабардинцев в 77-м кавалерийском полку; эскадрон черкесов в 78-м кавалерийском полку;

– Краснознаменная Кавказская армия: Армянская, Азербайджанская, 1 и 2-я Грузинские стрелковые дивизии, Грузинский и Армянский кавалерийские полки. Для их пополнения людскими ресурсами развертывались запасный грузинский полк, запасный армянский батальон, Закавказские пехотные и военно-политические курсы;

– Среднеазиатский военный округ: 4-я Туркменская горная кавалерийская дивизия с Таджикским полком, 6-я Узбекская горная кавалерийская дивизия с Киргизским полком, таджикская рота 15-го горно-стрелкового полка, туркменская рота 1-го стрелкового полка. 13-й запасный кавалерийский полк предназначался для комплектования узбекских, туркменских и таджикских частей, в 14-м запасном кавалерийском полку было по одному казахскому и киргизскому эскадрону;

– Отдельная Краснознаменная Дальневосточная армия: отдельный национальный Бурят-Монгольский полк и до 3 тыс. бурят и монголов в 1-й Колхозной дивизии; карельский батальон в 76-м стрелковом полку и немецкий батальон в 77-м стрелковом полку 26-й стрелковой дивизии;

– Приволжский военный округ: 1-й Татарский стрелковый полк и отдельный Татарский эскадрон 1-й Казанской стрелковой дивизии; 157-й Энгельсский немецкий стрелковый полк; 4-й отдельный стрелковый Башкирский полк. С объявлением мобилизации в округе разворачивался 16-й запасный стрелковый полк для укомплектования татарских частей;

– Ленинградский военный округ: 1-я Карельская егерская бригада [РГВА. Ф. 9. Оп. 33. Д. 19. Л. 41–42].

Всего национальных частей в РККА считывалось: 9 стрелковых и 2 горно-кавалерийских дивизии, 1 егерская бригада, 5

стрелковых и 1 кавалерийский полк, 5 батальонов, 9 рот, 3 эскадрона, 2 батареи. Предусматривались и запасные части.

К середине 1930-х гг. состав национальных формирований вышел далеко за рамки перечней, утвержденных в двух пятилетних программах. Многие новые формирования создавались по решению окружных командований. Центральные органы военного управления уже не владели в полной мере информацией о численности и дислокации национальных частей. Потребовались меры по их упорядочению и оптимизации. Летом 1934 г. 2-е управление ГУ РККА затребовало у округов предоставить до 15 сентября 1934 г. сведения о наличных национальных частях. Выяснилось, что национальным военным строительством к этому моменту было охвачено уже без малого 34 народа СССР¹, а список национальных формирований численностью от взвода до дивизии далеко перевалил за сотню. При этом численность не отдельных формирований (численностью от взвода до полка), созданных путем концентраций, вне программы национального военного строительства, достигла 105 единиц [подсчитано автором по: РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 195. Л. 139–146].

К сказанному следует добавить, что немало частей и соединений состояло из ряда национальных формирований. Встречались случаи, когда соединения с этническим наименованием (например, 4-я Туркменская горно-кавалерийская, отдельная Карельская егерская бригада) на деле имели смешанный национальный состав. В то же время части, имевшие топонимические или цифровые наименования (1-я Казанская стрелковая дивизия, 4-й отдельный территориальный стрелковый полк) были почти полностью укомплектованы лицами одной национальности [РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 195. Л. 139–146]. При этом в крупных национальных соединениях появлялись национальные подразделения из не титульных для данного соединения национальностей — как бы на-

¹ Абхазы, аварцы, адыгейцы, армяне, балкарцы, башкиры, белорусы, буряты, грузины, евреи, ингуши, кабардинцы, казаки (казахи), калмыки, карачаевцы, карелы, киргизы, корейцы, кумыки, курды, лезгины, монголы, немцы, осетины, таджики, талыши, татары, туркмены, тюрки (азербайджанцы), удмурты, узбеки, украинцы, черкесы, чеченцы, якуты (подсчитано автором по: РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 195. Л. 139–146).

циональные формирования «второго порядка» (например, курдские и талышские роты в составе Армянской и Азербайджанской дивизий соответственно).

Все это было следствием того, что дело национального военного строительства фактически было пущено на самотек, передано в руки окружного командования, которое национализировало войска, согласуясь с национальностью поступавших на укомплектование контингентов новобранцев. Центральный орган, руководящий и координирующий развитие национальных формирований и распределение нерусских пополнений, так и не был создан.

По итогам анализа затребованных у округов сведений о национальных частях Политуправлением РККА был составлен сводный перечень таковых, разосланный в главные управления РККА для их заключения «о необходимости содержания всех перечисленных частей и подразделений РККА» [РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 195. Л. 77]. Окончательный список после всех согласований утвердил лично нарком обороны СССР К. Е. Ворошилов [РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 195. Л. 77]. Особенности нового перечня национальных формирований, утвержденного наркомом обороны, отражали серьезные перемены в их номенклатуре и структуре.

Во-первых, во второй половине 1934 г. статус национальных утратили славянские соединения, укомплектованные украинцами и белорусами. Это было отражением ситуации фактического выравнивания уровня боевой подготовки всех славянских по составу формирований РККА. В одной из справок по национальному составу РККА, обнаруженной в документах Политуправления РККА, датированной 7 июля 1934 г., после перечисления данных по украинским частям была сделана карандашная ремарка: «Украинские части, также как и белорусские, поскольку в них работа ведется на государственном языке (т. е. русском — А. Б.), как национальные не должны выделяться (выделено мной. — А. Б.)» [РГВА. Ф. 9. Оп. 33. Д. 19. Л. 44]. Так, совершенно «бесшумно» украинские и белорусские национальные формирования были упразднены. Будучи изначально очень близкими с обычными номерными частями, в конечном итоге они слились с ними в единое целое.

Во-вторых, продолжился процесс укрупнения национальных формирований.

В частности, в дивизии были сведены татарские стрелковые части и закавказские горно-кавалерийские.

В мобилизационных расписаниях 1930-х гг. национальные формирования выводились в отдельную категорию. Особенно оговаривалось, какие части при мобилизации остаются национальными, вплоть до рот в составе обычных частей. Для пополнения национальных формирований обученными резервами предусматривалось развертывание запасных частей.

В целом в середине 1930-х гг. национальные формирования продолжали оставаться объектом приоритетного внимания военных и политических органов. В Политуправлении РККА считалось, что «успех достигнут» и следует его «полностью сохранить и в дальнейшем укреплять» [РГВА. Ф. 9. Оп. 33. Д. 19. Л. 44]. По итогам учений национальные части оценивались удовлетворительно. Например, о среднеазиатских частях на заседании Военного совета при народном комиссаре обороны СССР в октябре 1936 г. говорилось: «Национальные кавдивизии подготовлены неплохо, хорошо маневрируют, лошади отлично втянуты, войска научены вести пеший и конный бой» [РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 53. Л. 131]. Об успехах национальных формирований в 1930-х гг. свидетельствует и то, что целый ряд их был награжден орденами и получил почетные наименования. Например, Армянской стрелковой дивизии (с июля 1936 г. — 76-я Армянская горно-стрелковая дивизия) в 1935 г. было присвоено имя наркома обороны СССР маршала К. Е. Ворошилова, а в 1936 г. ее наградили орденом Красного Знамени. Азербайджанская стрелковая дивизия (с июля 1936 г. — 77-я Азербайджанская горно-стрелковая дивизия) в 1930 г. получила имя Серго Орджоникидзе, а в 1935 г. ее наградили орденом Красного Знамени. 20-я Таджикская горно-кавалерийская дивизия в 1931 г. была награждена орденом Красного Знамени, а в 1935 г. — орденом Ленина. 6-я Узбекская горно-кавалерийская дивизия в 1936 г. также была награждена орденом Ленина.

По состоянию на начало 1938 г. в РККА числилось: 4 стрелковых дивизии (две Грузинские, Азербайджанская, Армянская), 3 горно-кавалерийские дивизии (Узбекская, Туркменская, Таджикская), 2 отдельные кавалерийские бригады (горских национальностей Северного Кавказа и Бурят-Мон-

гольская) и 6 кавалерийских не отдельных полков (Грузинский, Армянский, Казахский, Хорезмский, Киргизский, Таджикский) в составе других соединений. В Закавказье до 1938 г. национальные дивизии (20, 47, 63, 76 и 77-я горно-стрелковые, 17-я кавалерийская) составляли ядро войск Закавказского военного округа. То же можно сказать и о Среднеазиатском военном округе.

Однако, несмотря на успехи в развитии национальных формирований, в это же самое время — в середине 1930-х гг. — они вступили в противоречие с общим ходом развития РККА. Еще в 1929 г. постановлением ЦК ВКП(б) от 15 июля «О состоянии обороны СССР», определившим пятилетний курс развития Красной Армии, был объявлен курс на «качественное усиление» армии вместо ее «количественного расширения». Упор в нем делался на многократное наращивание и усовершенствование технических средств [Вестник 2007: 228, 234, 236]. Реализация этого курса пришлось уже на 1930-е гг. Одновременно велась организационная перестройка. Резко выросшая техническая оснащенность вооруженных сил оказала значительное влияние на их структуру, перечень и соотношение военных специальностей. Появились новые рода войск. Значительная масса молодого пополнения направлялась для прохождения службы в артиллерию, мотомеханизированные войска, авиацию.

Реформа отражала возросшие экономические и политические возможности Советского государства и имела цель, в числе прочего, ликвидировать существовавшую разнотипность войсковых формирований, усилить мобилизационную готовность кадровых дивизий, обеспечить равномерный подъем военнообязанных запаса при мобилизации между округами и сократить сроки мобилизационного развертывания войск.

В 1938–1939 гг. РККА была переведена на экстерриториальную систему комплектования, при которой личный состав проходил службу вне регионов своего проживания в кадровых частях (директива НКО № 33791сс). Этот принцип позволял пополнять воинские части личным составом и создавать группировки войск вне зависимости от плотности населения в той или иной местности, а также сглаживал проблемы, связанные с огромной территорией и слабо развитой транспортной сетью. Для призывников из национальных регионов это

означало длительный непрерывный срок службы (вместо прежних сборов) вне своей республики, в ходе которой они быстрее адаптировались в составе русскоязычного воинского коллектива и, по определению командующего войсками Закавказского военного округа комкор И. В. Тюленева, общались «к общей культуре единого многонационального народа» [РГВА. Ф. 21873. Оп. 1. Д. 128. Л. 60].

Историю национальных частей в этот период нельзя рассматривать вне контекста описанных реформ. Еще на рубеже 1920–1930-х гг. при достаточно близком уровне боевой подготовки национальных и номерных частей в пехоте и кавалерии многие специалисты стали обращать внимание на все более отчетливо проявлявшееся концептуальное отклонение национальных частей от парадигмы развития Красной Армии, в которой акцент делался на усложнение организации и насыщение войск современной техникой. Между тем, как отмечалось в подготовленном в середине 1929 г. для Политбюро ЦК ВКП(б) отчетном докладе РВС за период с мая 1927 г. по июнь 1929 г., «нацформирования на данном этапе вступили в противоречие с технизацией армии», поскольку необходимого числа подготовленных в техническом отношении кадров воспитать пока не удавалось [Вестник 2007: 177]. Значительная масса командиров местных национальностей не владела русским языком и не могла самостоятельно работать с уставами и прочей литературой. Это «страшно мешает уровню боевой подготовки, — отмечал на Военном совете при наркомате обороны в ноябре 1937 г. командующий Закавказским военным округом комкор Н. В. Куйбышев. — Сами посудите: как может [профессионально] расти командир, который не может прочесть устав?» [Военный совет 2006: 76]. Подготовка и публикация уставов и пособий на местных языках очень затянулась, а в ряде случаев издание не было осуществлено вплоть до самого упразднения национальных формирований в 1938 г. «В отношении пособий, особенно на национальном языке, мы находимся в очень тяжелом положении. Переведенных учебников у нас нет, а националы плохо знают русский язык, средств нет», — подтверждал на том же Военном совете заместитель командующего Среднеазиатского военного округа комкор О. И. Городовиков [РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 54. Л. 274].

Кадровый дефицит не позволял в ближайшем будущем надеяться на создание национальных формирований в технически сложных родах войск, что ставило их вне магистрального пути развития Красной Армии.

Абсолютный и особенно относительный численный прирост национальных формирований замедлялся, что наглядно видно на фоне бурного развития технических родов войск. Например, численность военно-воздушных сил и артиллерии по штатам военного времени по мобилизационным планам 1930 и 1938 гг. возросла за восемь лет в 2,7 раза, войск ПВО — в 3,3, железнодорожных войск и органов ВОСО — в 7,3, бронетанковых войск — в 16 раз [РГВА. Ф. 40442. Оп. 2а. Д. 75. Л. 230]. В начале 1938 г., после фактического упразднения украинских и белорусских частей как национальных, общая списочная численность таких формирований мирного времени составляла лишь 27 239 чел. при штате 25 378 чел., причем численность представителей титульных национальностей составляла 69 % (18 695 чел.). При мобилизационном развертывании национальные формирования должны были достигать численности 138 739 чел. [РГВА. Ф. 40442. Оп. 1а. Д. 1769. Л. 75–78]. Для сравнения: общая штатная численность РККА мирного времени на 1 января 1938 г. составляла 1 448,0 тыс. чел. [РГВА. Ф. 40442. Оп. 2а. Д. 121. Л. 82]. На военное время по мобплану 1937 г. МП-6 она разворачивалась до численности 4 830,8 тыс. чел. [РГВА. Ф. 40442. Оп. 2а. Д. 75. Л. 225]. Таким образом, численность национальных формирований по штату мирного времени составляла лишь 1,75 % общей штатной численности РККА против почти 8–10 % во второй половине 1920-х гг., а по штату военного времени — 2,87 %.

Важно, что через относительно немногочисленные национальные части по объективным причинам невозможно было в мирное время пропустить большое количество бойцов-срочников, а значит — создать существенный мобилизационный резерв из представителей данного этноса. А в боевой обстановке необходимость доукомплектовывать национальные формирования представителями определенного этноса неизбежно создавала бы дополнительные сложности. Быстрое развертывание армии и переход к экстерриториальному распределению пополнения делали штатную ем-

кость национальных формирований недостаточной для приема возраставшего потока пополнений.

В подготовленной 23 февраля 1938 г. наркомом обороны справке «О национальных частях и соединениях РККА» временно исполнявший должность начальника Административно-мобилизационного управления РККА комдив А. И. Баринов подчеркивал, что «по военному времени комплектование национальных частей встретит большие трудности, так как источники комплектования чрезвычайно удалены от театра военных действий. Это вызовет необходимость в периоды напряженных операций укомплектовывать национальные части, не считаясь с национальным признаком из близрасположенных запасных частей. В конечном счете национальные части через очень короткий промежуток превратятся в смешанные с преобладанием русского и украинского элементов» [РГВА. Ф. 40442. Оп. 1а. Д. 1769. Л. 78]. Комдив А. И. Баринов довольно точно предсказал сложности с укомплектованием национальных формирований, возникшие в годы Великой Отечественной войны, если только их мононациональный состав целенаправленно не поддерживался усилиями военных и гражданских властей. Напомним, что в 1920-х гг. в интересах политической интеграции национальных окраин эти издержки считались неизбежными и приемлемыми, даже в ущерб боеспособности Красной Армии.

Нельзя не отметить и общий контекст развития национальной политики в СССР в 1930-х гг. На первую половину десятилетия пришлось постепенное свертывание политики коренизации, интенсивно, нередко под сильным административным нажимом, насаждавшейся по всей стране с середины 1920-х гг. С одной стороны, сказались общие методологические ошибки при воплощении в жизнь этой программы, связанные, прежде всего, с оказавшейся не реализуемой в короткие сроки ставкой на выдвижение национальных кадров и обеспечение гегемонии национальных языков. С другой стороны, произошел фактический отказ от идеи мировой революции («водоразделом» считается XVII съезд ВКП(б), проходивший в начале 1934 г.) как ближайшей стратегической цели и замены ее на национальное государство, где цементирующим государствообразующим элементом новой общности — советской нации — стал русский на-

род. В 1936 г. русский народ был объявлен «великой и передовой нацией», а к 1938 г. русские стали «старшими среди равных» в «семье советских народов» [Синицын 2014: 25–26]. В идеологической и образовательной сферах развернулось насаждение русских культурных парадигм — фильмов о русских полководцах и царях, реабилитация российской дореволюционной истории и культуры, обязательное (с марта 1938 г.) изучение русского языка в национальных республиках [Синицын 2014: 26–28].

Концепт «старшего брата» в семье советских народов нес в себе прямо противоположный коренизации идеологический заряд, выдвигая на первое место русский язык, русскую историю, русскую культуру. Национальные формирования на фоне краха политики коренизации выглядели анахронизмом, хотя и просуществовали несколько дольше — до конца 1930-х гг. Сворачивание коренизации отражало процессы тоталитарной трансформации страны и значительного ослабления политических позиций республиканских коммунистических элит, уже не способных, как в 1920-х гг., отстаивать свои интересы, в том числе в сфере военного строительства.

Невиданный государственный террор, охвативший Красную Армию и особенно ее высший и старший командный составы в 1937–1938 гг., безусловно, стал еще одним фактором, повлиявшим на судьбу национальных формирований. В гнетущей атмосфере массовых репрессий жупел борьбы со шпионажем и военными заговорами в армии не мог обойти стороной национальные части. При желании они могли теперь квалифицироваться как эпицентры местного национализма и проводники этнического шпионажа для соседних государств. При создании национальных формирований в 1920-х гг. этническая близость их личного состава с населением соседних стран считалась преимуществом, поскольку была призвана облегчить продвижение революции за пределы Советского Союза. Теперь же, напротив, это вызывало подозрения. Например, высказывались мнения о том, что финские шпионы проникали в Красную Армию через карельские национальные части, иранские — через азербайджанские, турецкие — через грузинские, японские — через бурятские и т. д. [РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 54. Л. 157–160; Намнанов 1997: 21]. Говоря о национальных частях, первый зам. ко-

мандующего ОКДВА корпусной комиссар Я. К. Берзин предостерегал коллег: «Наш сосед этих частей не забывает, и среди них есть люди, работающие не на нас, а на чужих» [РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 53. Л. 640]. В октябре 1937 г., после разгрома «антисоветских организаций» в недрах партийного руководства среднеазиатских союзных республик, секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Андреев предложил И. В. Сталину перевести узбекские и таджикские национальные формирования в Европейскую часть СССР, поскольку разоблаченное руководство республик «ставило серьезную ставку на эти национальные воинские части; будут попытки и впредь из Афганистана, Ирана и Турции вести в них враждебную работу». На документе имеется одобрительная резолюция И. В. Сталина с указанием «предварительно почистить» национальные части [ЦК ВКП(б), 2 2009: 296].

Национальные части легко подвергались в немудреные, даже самые фантастические схемы «националистических заговоров». Во множестве они выявлялись в республиках СССР, давая повод под корень рубить местные национальные элиты. Как отмечал один из ораторов на Военном совете при наркомате обороны в ноябре 1937 г., подводя итог чисткам в национальных частях, «нам необходимо было самым тщательным образом присмотреться, чтобы не дать возможность враждебным элементам, *прикрываясь национальностью* (курсив мой. — А. Б.), остаться в нашей армии. Отсюда у нас такое большое количество уволенных» [РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 54. Л. 101]. Ожидаемым результатом тщательного просева военнотружущих стало выявление «большой засоренности» начальствующего состава людьми, теми или иными путями связанными с близлежащими иностранными государствами (прежде всего, через родственные связи). Выявлялись «нездоровые настроения», вызванные нежеланием «националов» отправляться служить в иные регионы и изучать русский язык [РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 818. Л. 41–43].

Вследствие репрессий в отношении командного состава уровень боевой подготовки частей РККА резко упал. Например, Армянской стрелковой дивизией командовал капитан, который прежде не командовал ни полком, ни батальоном, а лишь батареей. Азербайджанской дивизией командовал майор, вообще не имевший командной

практики, — он являлся преподавателем военного училища. Все их усердие разбивалось об отсутствие опыта и знаний. «Откуда может быть хорошим командир грузинской дивизии Дзабахидзе, который до этого в течение двух лет командовал только ротой и больше никакого стажа командира не имеет», — восклицал на Военном совете при наркомате обороны в ноябре 1937 г. командующий округом Н. В. Куйбышев [Военный совет 2006: 74]. В итоге получалось, что «уровень подготовки командного состава настолько низок, что приходится для оказания помощи прикомандировывать к ним опытных старших командиров» [Военный совет 2006: 74]. В ноябре 1937 г. Военный совет Закавказского военного округа оценивал боевую подготовку подчиненных ему войск как неудовлетворительную, и основной причиной этому, по мнению Куйбышева, было то, что «у нас округ обескровлен очень сильно» [Военный совет 2006: 73].

Национальные формирования в целом как особый институт в составе Красной Армии редко подвергались прямым нападкам и подозрениям. В то же время при изучении документов создается впечатление, что политические обвинения в адрес национальных формирований и национальных кадров назревали и, вполне возможно, были выдвинуты, если бы в разгар репрессий их не упразднили. Опыт строительства национальных формирований, хотя и признавался целиком и полностью оправданным «на определенном этапе» истории Красной Армии, но явно был дискредитирован кампаниями по «выкорчевыванию» «врагов народа».

Все сказанное выше предопределило решение о расформировании национальных частей. 21 февраля 1938 г. в ЦК компартий союзных республик и обкомы автономных республик РСФСР (всего 10 первых секретарей ЦК «нацкомпартий» и 14 первых секретарей обкомов) были направлены телеграммы, обязывавшие первых секретарей ЦК «нацкомпартий» и обкомов прибыть на совещание с подготовленными материалами по вопросам преподавания русского языка в нерусских школах и национальных формированиях [ЦК ВКП(б), 2 2009: 382–383]. Едва ли на однодневном совещании предусматривалась полноценная дискуссия с коллективным поиском решения проблем. Гораздо логичнее предположить, что созыв первых секретарей национальных регионов носил ритуальный характер, долженству-

ющий соблюсти формально-демократическую процедуру принятия коллегиального решения представителями всех заинтересованных республик.

7 марта 1938 г. на совещании при ЦК ВКП(б) по вопросам об обязательном преподавании русского языка в нерусских школах и о национальных формированиях было принято совместное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О национальных частях и формированиях РККА», поставившее точку на почти 20-летней истории национальных формирований в Красной Армии. В постановлении отдавалось должное историческим заслугам национальных формирований перед Советским государством: «Национальные части и формирования, возникшие в годы Гражданской войны и борьбы за национальную независимость, сыграли в то время свою положительную роль в борьбе с контрреволюционными националистическими буржуазными правительствами и иностранными интервентами. Они являлись одной из основных форм вовлечения народностей, в армии ранее вовсе не служивших (узбеков, туркмен, бурят-монголов, киргизов, части народов Северного Кавказа и т. д.), в дело обороны государства. Национальные части построены по принципу территориальности, что ранее соответствовало принципу строительства всей РККА» [ЦК ВКП(б), 2 2009: 382–383].

Однако в настоящий момент, констатировалось в постановлении, они «не могут оправдать своего предназначения». Поскольку Вооруженные Силы СССР «призваны защищать государство в целом», то они должны быть организованы единообразно, строиться на основе всеобщей воинской повинности и экстерриториальности комплектования воинских частей. С переходом от территориальной системы к комплектуемому экстерриториально кадровым формированиям национальные части оказались в противоречии с общегосударственным принципом строительства Красной Армии. Кроме этого общего противоречия, указывалось на ряд частных проблем: на консервацию национально-культурных различий личного состава национальных частей, замкнутость обучения национальных контингентов, неприспособленность их к иным природно-климатическим и бытовым условиям, отсутствие перспектив служебного роста для командно-политического состава [ЦК ВКП(б), 2 2009: 83].

В связи с изложенным ЦК ВКП(б) и СНК СССР постановили:

«1. Национальные части, соединения, военные училища и школы РККА переформировать в общесоюзные с экстерриториальным комплектованием, изменив соответственно дислокацию частей и соединений.

2. Граждан национальных республик и областей призывать к выполнению воинской службы на общих со всеми национальностями СССР основаниях» [ЦК ВКП(б), 2 2009: 383].

Постановление партии и правительства было развернуто изложено в приказе наркома обороны от 6 апреля 1938 г. № 4/1/33791. В проекте приказа предусматривалось оставление за переформированными национальными частями их названий, указывавших на национальность или республику. В проекте также предусматривалась возможность досрочного увольнения военнослужащих из национальных частей, не желающих переводиться в другие округа. Однако из окончательной редакции приказа эти положения К. Е. Ворошилов вычеркнул [РГВА. Ф. 40442. Оп. 1а. Д. 1769. Л. 12–15].

Расформирование национальных соединений в основном завершилось к лету 1938 г. (по плану — к 15 июня). В ноябре 1938 г. на Военном совете при наркоме обороны заместитель наркома, начальник Главного Политуправления армейский комиссар 1-го ранга Л. З. Мехлис сообщил, что «ликвидация национальных формирований прошла хорошо» [РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2030. Л. 2–6]. Правда, еще к этому времени в ряде дивизий оставалось незначительное число национальных подразделений — очевидно, остатки практики концентраций.

Исследование показало, что возникновение и развитие национальных формирований в межвоенный период были обусловлены рядом объективных факторов и должны рассматриваться в общем контексте развития вооруженных сил страны и государственной национальной политики. Влияние этих факторов в различные периоды было неодинаковым. Национальные формирования были учреждены на волне политической эмансипации национальных регионов СССР и массового внедрения в них практики коренизации. Они должны были способствовать дальнейшей революционной экспансии в сопредельные страны.

В 1930-х гг., по мере затухания надежд на мировую революцию и перестройки

идеологического курса страны на строительство автономного национального государства, идейная основа национальных формирований сильно потускнела. Этому способствовали сворачивание на рубеже 1920–1930-х гг. политики коренизации и развертывание государственного террора, прямо затронувшего многие этнические группы в СССР. Ожидание большой войны и форсированная перестройка РККА выявили несоответствие национальных формирований требованиям времени. С момента развертывания массовых призывов в армию и их экстерриториального распределения дальнейшее существование национальных формирований становилось неуместным, поскольку входило в противоречие с поставленной целью накопления массового мобилизационного резерва. Ряд национальных формирований (прежде всего, славянских) по своим боевым качествам фактически слились с обычными номерными частями, что делало содержание их в качестве национальных избыточным. Нельзя не отметить и отсутствия ответственного за национальное строительство органа в структуре РККА. Это обусловило, с одной стороны, хаос в развитии национальных формирований уже в первой половине 1930-х гг., а с другой — отсутствие лоббистов в военном ведомстве, в связи с чем они безо всяких дискуссий были упразднены.

Источники

- Вестник Архива Президента РФ. Красная Армия в 1920-е годы. М.: Архив Президента Российской Федерации, 2007. 270 с.
- Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Ноябрь 1937 г.: Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2006. 360 с.
- Реформа в Красной Армии: док. и материалы: 1923–1928 гг.: в 2 т. Т. 2. М.; СПб.: Летний сад, 2006. 720 с.
- РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории.
- РГВА — Российский государственный военный архив.
- ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2: 1933–1945. М.: РОССПЭН, 2009. 1094 с.

Литература

- Аманжолов К. Национальные воинские формирования в составе Советских Вооруженных Сил (1917–1945): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Алма-Ата, 1987. 48 с.
- Баберовски Й. Враг есть везде: сталинизм на Кавказе. М.: РОССПЭН, 2010. 850 с.

Градосельский В. В. Национальные воинские формирования в Красной Армии (1918–1938 гг.) // Военно-исторический журнал. 2001. № 10. С. 2–6.

Гуружапов А. Х. Партийное руководство формированием национальных частей Красной Армии и оборонно-массовой работой в Советской Бурятии (1923 — июнь 1941 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1974. 25 с.

Жарков В. В. Значение национальных воинских формирований в развитии Вооруженных Сил в 30-е гг. XX века // Ярославский педагогический вестник. Гуманитарные науки. 2014. № 4. Т. I. С. 27–31.

Захаров М. Национальные формирования и их организация // Военный вестник. № 19. 23 мая 1925 г. С. 5–8.

Иванов В. Е. Деятельность партийных и государственных органов по строительству и боевому применению национальных воинских частей в СССР, 1917–1946 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1995. 188 с.

Кадыров Б. Г. Национальная политика Советского государства в армии в межвоенный период: концепция и практика: дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2002. 431 с.

Катуков В. Национальное военное строительство в Казахстане. Алма-Ата: Издание Юбилейной комиссии 10-летия Казахстана, 1930. 39 с.

Курбанов О. Правовые основы создания национальных частей Красной Армии в Туркменистане (1924–1936 гг.) // Известия АН Туркменской ССР: Серия обществ. наук. Вып. 3. Ашхабад, 1972. С. 57–63.

Маркарян В. М. Коммунистическая партия — организатор и руководитель национальных воинских формирований Красной Армии в период мирного социалистического строительства (1922–1938): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975. 23 с.

Назих Э.-Б. Р. Деятельность государственных и военных органов СССР по созданию и развитию национальных воинских формирований (1923–1939 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. 174 с.

Намнанов Д. Д. Национальные формирования Красной Армии в Бурятии в 1924–1939 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 1997. 22 с.

Плетнев Е. Узбекская дивизия // Литературный Узбекистан. Кн. 1. Ташкент: Гос. изд. УзССР, 1937. С. 14–19.

Рымиан М., Алексинский К. Национальные формирования в буржуазных государствах и

СССР. М.; Л.: Гос. изд-во. Отд. военной литературы, 1932. 54 с.

Синицын Ф. Л. Национальная политика СССР в предвоенный период (1938–1941 гг.) // Вестник РУДН. Сер. История России. 2014. № 1. С. 25–34.

Sources

Vestnik Arkhiva Prezidenta RF. Krasnaya Armiya v 1920-e gody [Bulletin of the Archive of the President of the Russian Federation. The Red Army in the 1920s]. Moscow, Archive of the President of the Russian Federation, 2007, 270 p. (In Russ.).

Voennyi soviet pri narodnom komissare oborony SSSR. Noyabr' 1937 g.: Dokumenty i materialy [The Military Council under the People's Defense Commissar of the USSR. November 1937: documents and materials]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006, 360 p. (In Russ.).

Reforma v Krasnoy Armii: dok. i materialy: 1923–1928 gg.: v 2 t. T. 2 [The Red Army's reform: documents and materials, 1923–1928. In 2 vol. Vol. 2]. Moscow, Saint Petersburg, Letniy Sad Publ., 2006, 720 p. (In Russ.).

RGASPI — *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii* [The Russian State Archive of Socio-Political History].

RGVA — *Rossiyskiy gosudarstvennyy voennyi arkhiv* [The Russian State Military Archive].

TsK VKP(b) i natsional'nyy vopros. Kn. 2: 1933–1945 [The Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) and the national question. Book 2: 1933–1945]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2009, 1094 p. (In Russ.).

References

Amanzholov K. *Natsional'nye voinskie formirovaniya v sostave Sovetskikh Vooruzhennykh Sil (1917–1945): avtoref. diss. ... d-ra ist. nauk* [National military units within the Soviet Armed Forces (1917–1945). A Ph. D. thesis abstract]. Almaty, 1987, 48 p. (In Russ.).

Baberovski Y. *Vrag est' vezde: Stalinizm na Kavkaze* [The enemy is everywhere: Stalinism in the Caucasus]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, 850 p. (In Russ.).

Gradosel'skiy V. V. *Natsional'nye voinskie formirovaniya v Krasnoy Armii (1918–1938 gg.)* [National military units of the Red Army (1918–1938)]. *Voенно-istoricheskiy zhurnal* [Military Historical Journal], 2001, No. 10, pp. 2–6 (In Russ.).

Guruzhapov A. Kh. *Partiynoe rukovodstvo formirovaniem natsional'nykh chastey Krasnoy Armii i oboronno-massovoy rabotoy v Sovetskoy*

Buryatii (1923 — iyun' 1941 gg.): avtoref. diss. ... kand. ist. nauk [The party's governance of the processes for the establishment of Red Army's national units and organization of mass defense work in Soviet Buryatia (1923 — June 1941). A Ph. D. thesis abstract]. Irkutsk, 1974, 25 p. (In Russ.).

Zharkov V. V. *Znachenie natsional'nykh voinskikh formirovaniy v razvitii Vooruzhennykh Sil v 30-e gg. XX veka* [The value of national military units for the development of the armed forces in the 1930s]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], Humanities, 2014, No. 4, Vol. I, pp. 27–31 (In Russ.).

Zakharov M. *Natsional'nye formirovaniya i ikh organizatsiya* [National units and their organization]. *Voennyi vestnik* [Military Bulletin], No. 19, 23 May 1925, pp. 5–8 (In Russ.).

Ivanov V. E. *Deyatel'nost' partiynykh i gosudarstvennykh organov po stroitel'stvu i boevomu primeniyu natsional'nykh voinskikh chastey v SSSR, 1917–1946 gg.: diss. ... kand. ist. nauk* [Activities of party and state authorities aimed at constructing and employing national military units in the USSR, 1917–1946]. Moscow, 1995, 188 p. (In Russ.).

Kadyrov B. G. *Natsional'naya politika Sovetskogo gosudarstva v armii v mezhoennyi period: kontseptsiya i praktika: diss. ... d-ra ist. nauk* [National policy of the Soviet state in the army during the interwar period: conception and practice. A Ph. D. thesis]. Kazan, 2002, 431 p. (In Russ.).

Katukov V. *Natsional'noe voennoe stroitel'stvo v Kazakhstane* [National military construction in Kazakhstan]. Almaty, 1930, 39 p. (In Russ.).

Kurbanov O. *Pravovye osnovy sozdaniya natsional'nykh chastey Krasnoy Armii v Turkmenistane (1924–1936 gg.)* [The legislative basis for the establishment of Red Army's national units in Turkmenistan (1924–1936)]. *Izvestiya AN Turkmeniskoy SSR: Seriya obshchestv. nauk* [Bulletin of the Turkmen SSR's Academy of Sciences], iss. 3, Ashkhabad, 1972, pp. 57–63 (In Russ.).

Markaryan V. M. *Kommunisticheskaya partiya — organizator i rukovoditel' natsional'nykh voinskikh formirovaniy Krasnoy Armii v period mirnogo sotsialisticheskogo stroitel'stva (1922–1938): avtoref. diss. ... kand. ist. nauk* [The Communist party as the organizer and director of Red Army's national military units during the period of peaceful military construction (1922–1938). A Ph. D. thesis abstract]. Moscow, 1975, 23 p. (In Russ.).

- Nazikh E.-B. R. *Deyatel'nost' gosudarstvennykh i voennykh organov SSSR po sozdaniyu i razvitiyu natsional'nykh voinskikh formirovaniy (1923–1939 gg.): diss. ... kand. ist. nauk* [Activities of the USSR's executive and military authorities on creation and development of national military units (1923–1939). A Ph. D. thesis]. Moscow, 2011, 174 p. (In Russ.).
- Namnanov D. D. *Natsional'nye formirovaniya Krasnoy Armii v Buryatii v 1924–1939 gg.: avtoref. diss. ... kand. ist. nauk* [Red Army's national military units in Buryatia from 1924 to 1939. A Ph. D. thesis abstract]. Ulan-Ude, 1997, 22 p. (In Russ.).
- Pletnev E. *Uzbekskaya diviziya* [The Uzbek division]. *Literaturnyy Uzbekistan. Kn. 1* [Literary Uzbekistan. Book 1]. Tashkent, State Publ. House of the Uzbek SSR, 1937, pp. 14–19 (In Russ.).
- Rymshan M., Aleksinskiy K. *Natsional'nye formirovaniya v burzhuaznykh gosudarstvakh i SSSR* [National units in bourgeois states and the USSR]. Moscow, Leningrad, Military Liter. Publ., 1932, 54 p. (In Russ.).
- Sinitsyn F. L. *Natsional'naya politika SSSR v predvoennyi period (1938–1941 gg.)* [USSR ethnic policy in pre-war period (1938–1941)]. *Vestnik RUDN. Seriya: «Istoriya Rossii»* [RUDN Journal of Russian History], 2014, No. 1, pp. 25–34 (In Russ.).

УДК 94(47).084.8

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ФОРМИРОВАНИЯ РККА в 1930-е гг.

Алексей Юрьевич Безугольный¹

¹ кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт военной истории, Военная академия Генерального штаба ВС РФ (Москва, Российская Федерация). E-mail: besul11@yandex.ru.

Аннотация. Статья посвящена анализу развития национальных воинских формирований как особого института в составе Красной Армии, пережившего в течение 1930-х гг. и свой расцвет, и период стремительного заката. Исследование показало, что возникновение и развитие национальных формирований в межвоенный период было обусловлено рядом объективных факторов и должны рассматриваться в общем контексте развития вооруженных сил страны и государственной национальной политики. Влияние этих факторов в различные периоды было неодинаковым. Национальные формирования были учреждены в середине 1920-х гг. на волне политической эмансипации национальных регионов СССР и массового внедрения в них практики коренизации — особой государственной политики в национальных регионах, направленной на всемерное выдвижение национальных кадров, развитие национальных культур и языков. Кроме того, национальные формирования планировалось использовать для дальнейшей революционной экспансии в сопредельные страны Востока.

В статье отмечается, что в 1920-е гг. в судьбе национальных частей переплелись не только особенности развития Вооруженных Сил СССР (в частности, быстрое наращивание численности РККА и форсированное ее техническое перевооружение) в преддверии большой войны, но и перипетии большой политики и идеологии: смена курса от мировой революции к построению национального социалистического государства, развертывание большого террора и дискредитация национальных движений.

Ключевые слова: Красная Армия, национальные воинские формирования, коренизация, национальная политика, концентрации.